

## Глава 48. Заточение

Бай По мог лишь ошеломлённо смотреть на него. Всё его хвалёное красноречие оказалось пустой чепухой перед лицом грубой силы. Сложись обстоятельства иначе — и он, не задумываясь, вколотил бы Ван Шо в землю.

В конце концов Бай По решил уступить. Лицо Ван Шо мрачнело с каждой секундой, а умный человек всегда умеет вовремя приспособиться к обстоятельствам. К тому же юноша никогда не мнил себя безрассудным храбрецом, готовым лезть в петлю, когда можно остаться в живых.

— Я выпью сам. Но сначала вправь мне руку.

Ван Шо никак не возразил. Он молча подошёл, взял безжизненно висевшую руку Бай По и быстрым, точным движением вправил сустав. Раздался резкий хруст. Не успел юноша и глазом моргнуть, как Ван Шо уже вернулся на своё место по ту сторону стола и, подперев подбородок ладонью, уставился на него.

Бай По осторожно пошевелил онемевшими пальцами, разминая кисть, исподлобья зыркнул на своего тюремщика и, больше не проронив ни слова, придвинул к себе миску. Ложка за ложкой каша начала исчезать у него во рту.

Глядя, как Бай По послушно и тихо ест, Ван Шо наконец слабо улыбнулся. Он коснулся пальцами лба и как бы между прочим заметил:

— Я взглянул на карту Лиши. Там только половина.

Ван Шо говорил расслабленно, однако Бай По отреагировал бурно. Он со стуком опустил ложку и уставился на собеседника широко раскрытыми глазами:

— Только половина? Как это понимать?

— Кто-то разделил её. Очевидно, ради безопасности.

Бай По нахмурился. Если Ван Шо всё ещё одержим этой картой, неужели он собирается и дальше тянуть время?

— И что ты намерен делать?

— Разумеется, отыскать вторую половину. Но не сейчас.

— Почему не сейчас? — недоверчиво переспросил юноша.

— Тот, кто стоит за всем этим, лишился своей доли и теперь места себе не находит от злости. Действовать прямо сейчас было бы крайне неразумно.

Бай По молча опустил голову и съел ещё ложку горячей каши, совершенно не чувствуя её вкуса. Заметив, что миска опустела, Ван Шо поднялся и заботливо подложил ему ещё. Когда он наклонился, прядь его волос скользнула по щеке Бай По, а тихий, вкрадчивый голос зазвучал у самого уха:

— Бай По, а ведь я так и не спросил, откуда ты родом.

От этих слов у Бай По по спине пробежал мороз. Он мгновенно подобрался, словно почуявший опасность зверь.

— Я тебя тоже ни о чём не расспрашивал, — холодно парировал он.

— А если я скажу, что теперь хочу знать? — хрипло отозвался Ван Шо.

Бай По вскинул голову и зло усмехнулся:

— Даже если я открою рот, всё, что ты услышишь, будет ложью.

Ван Шо негромко рассмеялся и ласково взъерошил его волосы. В его тёмных глазах затаилась пугающая глубина.

— Не хочешь — не говори, — мягко прошептал он. — Прошлой ночью с тобой опять творилось нечто странное, совсем как тогда, в лесу. Мне пришлось растратить добрую половину своих внутренних сил, чтобы облегчить твои мучения. Хотя ты уже и пришёл в себя, тебе необходимо как следует восстановиться.

Бай По резко отпихнул его руку. На мгновение лицо его окаменело, но затем он ядовито и фальшиво усмехнулся.

— Ван Шо, ты что, решил запереть меня под замком?

Тот лишь пристально посмотрел на него. В этом взгляде крылась сложная, нечитаемая гамма чувств — он напоминал око бури, обманчиво спокойное, но способное в любой миг породить сокрушительный ураган. Под этим давящим взглядом Бай По стало не по себе. Не выдержав, он отвёл глаза и принялся нервно вертеть в пальцах черенок ложки.

Наконец Ван Шо отвёл взгляд, освобождая юношу от гнетущего напряжения, и его голос снова зазвучал мягко и тепло:

— Отдыхай. Я буду в соседней комнате.

Послышался тихий скрип двери. Ван Шо вышел, аккуратно прикрыв за собой створку, и его шаги стихли в соседних покоях. Едва это произошло, Бай По резко вскочил на ноги и яростным взмахом рукава смёл со стола всю посуду.

Глядя на разлетевшиеся по полу осколки, он шумно, прерывисто дышал. Оцепенение спало, уступив место ледяной злости.

«Ах ты ублюдок... За ручного кролика меня держишь?!»

Из-за вспышки гнева его внутренняя энергия пришла в смятение, и в груди мгновенно вспыхнула дикая, сверлящая боль. От неожиданности Бай По пошатнулся и едва не упал, но успел ухватиться за край стола. Он мёртвой хваткой вцепился в дерево и стиснул зубы до скрежета, сдерживая стон — только бы не издать ни звука и не привлечь внимание Ван Шо. Меньше всего ему хотелось выглядеть жалко в глазах этого мерзавца.

Бурные эмоции растревожили Иглу Запечатывания Души, засевшую в груди. Понимая это, Бай По заставил себя отбросить лишние думы, медленно опустился на стул и принялся выравнивать дыхание, бережно умиряя взбунтовавшуюся ци.

Когда боль наконец утихла, он почувствовал себя так, будто из его тела вынули все кости. Бледный как смерть, покачиваясь и держась за стену, он кое-как добрёл до кровати и рухнул на простыни. Борьба с коварной иглой выпила последние крохи его сил, так что теперь ему действительно требовался отдых.

«Какому дьяволу я умудрился продать душу, чтобы навлечь на себя такое проклятие, как Ван Шо?»

Едва голова коснулась подушки, глаза сомкнулись сами собой. На размышления сил больше не осталось, и Бай По мгновенно провалился в глубокий сон без сновидений.

В ту самую секунду, когда Бай По закрыл глаза, Ван Шо в соседней комнате открыл глаза. Он бросил пронзительный взгляд на разделяющую их стену, затем неторопливо посмотрел перед собой и негромко спросил:

— Что снаружи?

В пустой комнате этот вопрос прозвучал странно и даже жутковато. Однако как только он произнёс это, из тёмного угла соткался силуэт. Мужчина почтительно склонил голову, бесшумно приблизился и замер в трёх шагах позади Ван Шо, сложив руки за спиной.

Скрыв бушевавшие в душе противоречивые чувства, Чэнь Чжун покосился в сторону смежной

комнаты и тоже понизил голос до полушёпота:

— Поднялась суматоха, все ордена и секты пришли в движение. Но наибольшую активность проявляет Секта Таинства.

— Секта Таинства? — Ван Шо слегка приподнял бровь. Чэнь Чжуну не нужно было объяснять этот жест — он сразу понял, что хозяин озадачен.

Чэнь Чжун продолжил:

— От наших лазутчиков со всех рубежей приходят донесения: adeпты Секты Таинства мелкими группами стягиваются из северных земель. Они пересекают границы Великой Чжоу в самых разных точках, после чего растворяются в толпе, разделяясь на одиночек. Судя по их поведению, они не замышляют крупный мятеж или нападение. Скорее... они что-то ищут.

Ван Шо задумчиво поджал губы и прищурился. В его полуприкрытых глазах блеснула острая, холодная мысль.

— Будь их целью половина карты, им незачем было бы тащить людей из самого Северного нагорья, — пробормотал он вполголоса. — Неужели они проведали о том, кто прикрывался их именем?

Чэнь Чжун молча внимал размышлениям господина, не пытаясь вставить ни слова. Мудрый слуга знает своё место: его дело — доставлять сведения, а не строить догадки за хозяина.

\*\*\*

Когда на следующий день Бай По наконец очнулся от тяжёлого забытья, обнаружилось, что прошли ещё сутки. Пострадавший от страшного пожара город постепенно возвращался к жизни. Огненная стихия уничтожила сотни домов, и повсюду высились лишь обугленные, чёрные остовы, однако на улицах уже копошились люди. Простые горожане сновали туда-сюда: кто-то тащил на спине брёвна, кто-то нёс плотницкие инструменты. Были и те, кто потерял в безумном хаосе близких — они скорбной толпой стояли у ворот управы, оплакивая погибших.

Местные чиновники Хучжоу действовали на удивление расторопно. Одни раздавали помощь пострадавшим, другие вместе со стражниками следили за порядком, третьи организовывали добровольцев на расчистку завалов. Опустошённый трагедией город напоминал растревоженный, но упорный муравейник.

Бай По, которого бережно устроили в экипаже, ехал, бессильно откинувшись на подушки с закрытыми глазами. С улицы доносился непрерывный стук топоров и молотков. Не выдержав, он приоткрыл веки, отодвинул плотную занавеску и выглянул в окно на суетящуюся толпу.

— Действительно... — невольно сорвался с его губ тихий вздох. — Жалкие букашки, а цепляются за жизнь упорнее всех.

Однако едва эти слова слетели с его губ, как на смену секундной слабости пришло привычное, едкое презрение. Он повернулся к Ван Шо, который сидел напротив и неторопливо перелистывал какую-то книгу, и язвительно процедил:

— Ты ведь у нас терпеть не можешь кровопролития, верно? Но при этом одним щелчком пальцев обрёк тысячи невинных на смерть и нищету. Какое поразительное лицемерие.

<http://bllate.org/book/18409/1883223>